

A man in a dark blue military uniform with gold epaulettes and a red sash stands next to a woman in a red gown with gold trim and a crown. They are both looking towards the camera.

Дара Вейн

**«Император
без
империи»**

Дара Вейн

«Император без империи»

«Автор»

2026

Вейн Д.

«Император без империи» / Д. Вейн — «Автор», 2026

В цикле глав показана история двух женщин, связанных с Наполеоном, — его матери Летиции и бывшей жены Жозефины. На фоне взлётов и падений империи они поразному, но одинаково самоотверженно оберегали семью: Летиция — жёсткой опорой, расчётом и непреклонной волей, Жозефина — теплом, пониманием и тихим пристанищем. Даже после краха империи и смерти Наполеона они остаются рядом, не давая семье распасться, и в спокойных воспоминаниях сохраняют не величие императора, а человечность того, кто был для них сыном, мужем и опорой.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой среди своих	5
Глава 2. Артиллерия и революция	6
Глава 3. Итальянская легенда	7
Глава 4. Египет и возвращение	8
Глава 5. Архитектор порядка	9
Глава 6. Любовь и корона	10
Глава 7. Цена величия	11
Глава 8. Прощание	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

«Император без империи»

Глава 1. Чужой среди своих

Аяччо, Корсика, 1779 год.

Ветер с моря швырял в окна солёные брызги, и даже в полдень в доме было сыро и зябко. Десятилетний Наполеон сидел на подоконнике, сжимая в руках потрёпанный томик Плутарха. Он не читал — он запоминал. Имена, битвы, судьбы великих людей ложились в его сознании ровными рядами, как солдаты на плацу. — Опять ты там прилип, — ворчала мать, Летиция, ставя на стол миску с похлёбкой. — Слезь, простудишься.

Он не отвечал. Он смотрел на крепость у входа в гавань — на символ чужой власти. Французы пришли на Корсику, когда он был ещё младенцем, и с тех пор в их доме всё чаще звучало слово «долг». Долги за дом, долги за право считаться дворянами, долги за каждую мелочь, которую нельзя было позволить, но приходилось.

В дверь постучали. Не вежливо, а требовательно — так стучат те, кто привык, что им открывают сразу.

Летиция побледнела.

Наполеон знал этот взгляд: приходили за деньгами.

На пороге стоял французский чиновник в синем мундире, рядом — солдат с мушкетом. — Госпожа Бонапарт, срок истёк. Либо вы возвращаете сумму, либо мы опишем имущество.

Летиция выпрямилась, будто надевала броню.

— У нас нет. Но будет. Мой сын поступит в военную школу. Он станет офицером, зарабатывает, вернёт всё. Чиновник скользнул взглядом по бедной комнате, по мальчику на подоконнике.

Усмехнулся:

— Корсиканец в королевской армии? Да они там таких не любят.

Наполеон спрыгнул с подоконника. Он не был высоким, не был грозным — но голос его прозвучал твёрдо, не по-детски:

— Я стану генералом. И тогда вы будете стоять по стойке смирно, когда я пройду мимо.

Чиновник рассмеялся. Солдат отвернулся, пряча улыбку.

Летиция схватила сына за плечо, будто хотела утянуть его назад, в тень. Но Наполеон не сдвинулся. Он смотрел прямо, не мигая. Внутри у него всё дрожало от гнева и страха, но он не позволил этому выйти наружу. Когда дверь за французами закрылась, Летиция опустила на стул и закрыла лицо руками.

— Прости, что я сказала про школу, — прошептала она.

— Это пустые слова. У нас нет денег даже на дорогу.

Наполеон подошёл и положил ладонь на её руку — неуклюже, по-мальчишески, но решительно.

— Это не пустые слова, матушка. Я поступлю. И я верну всё. Я не буду таким, как они. Я буду сильнее.

Она посмотрела на него долго, будто видела не мальчика, а тень того, кем он станет.

И в её глазах мелькнуло странное чувство — не надежда даже, а признание: этот ребёнок уже не нуждается в защите. Он сам станет щитом для семьи.

Глава 2. Артиллерия и революция

Париж, 1793 год.

Тулон.

Город лежал у моря, как загнанный зверь: окружённый, измученный, готовый сдаться. Англичане удерживали гавань, роялисты ждали подкрепления, а республиканская армия топталась у стен, не зная, как пробить эту броню.

Молодой капитан Бонапарт ходил вдоль позиций, щурясь на солнце, и видел не хаос, а геометрию. Линии огня, углы обстрела, точки, где земля сама становилась союзником.

— Ты слишком молод, чтобы учить старших, — буркнул один из полковников, когда Наполеон начал чертить схему на клочке бумаги.

— А вы слишком стары, чтобы не видеть очевидного, — ответил он спокойно, без вызова, просто как факт.

— Если мы поставим батареи здесь и здесь, мы перекроем вход в гавань. Англичане не смогут подвозить припасы. Через неделю они уйдут сами.

Полковник нахмурился, но не стал спорить — в армии Республики не было времени на обиды. Были нужны результаты.

Через шесть дней Тулон пал. Пушки Наполеона сделали то, что не смогли сделать батальоны: они отрезали город от моря, и сопротивление рассыпалось.

В Париже новость встретили с интересом. Имя Бонапарта впервые прозвучало не как фамилия корсиканца, а как имя человека, который умеет побеждать.

А в октябре того же года, уже в Париже, он снова оказался в центре событий. Толпа роялистов, вооружённая до зубов, шла по улицам, готовая снести молодую Республику. На их пути стоял один человек с пушками — и этим человеком был он.¹³ вандемьера. Холодный расчёт. Никаких красивых слов. Только математика войны: сколько картечи на квадратный метр, чтобы остановить волну.

Выстрел. Ещё один. Толпа дрогнула, отступила, рассыпалась.

После этого его стали замечать. Не как талантливого артиллериста, а как инструмент, который можно использовать.

И он позволял себя использовать — потому что знал: каждый шаг приближает его к чему-то большему.

Глава 3. Итальянская легенда

Северная Италия, 1796 год.

Армия, которую ему доверили, была потрёпанной, голодной и почти деморализованной. Солдаты смотрели на нового командующего с недоверием: корсиканец, мальчишка, едва за тридцать.

Но в первый же день он сделал то, чего от него не ждали. Он не стал читать им лекции о долге.

Он сказал просто:

— Мы бедны. У нас мало припасов, мало денег. Но у нас есть ноги, чтобы идти, и руки, чтобы сражаться. И если мы будем двигаться быстрее, чем враг, если мы ударим там, где нас не ждут, — мы победим. А я обещаю вам: тот, кто пойдёт за мной, вернётся домой не нищим, а героем.

Они поверили. Не из-за слов — из-за уверенности в его голосе.

Итальянская кампания стала его первым настоящим театром. Здесь он учился не только воевать, но и управлять: как заставить маршалов спорить, но подчиняться; как превратить усталость в ярость; как сделать так, чтобы солдаты шли за ним не из страха, а из веры.

Победа при Лоди.

Победа при Арколе.

Его имя теперь звучало не только в Париже — оно гремело по всей Европе.

Однажды вечером, после очередного марша, адъютант спросил:

— Генерал, вы верите в судьбу?

Наполеон посмотрел на звёзды, будто искал там ответ.

— Судьба — это когда ты готов воспользоваться шансом, который выпадает раз в жизни. Я не жду её. Я создаю её.

Глава 4. Египет и возвращение

Александрия, 1798 год.

Пустыня дышала жаром, и даже ночью воздух был тяжёлым, как мокрое одеяло. Наполеон стоял на холме и смотрел на пирамиды — на вечность, которая смотрела на него в ответ.

Рядом с ним шли не только солдаты, но и учёные: математики, историки, инженеры. Он хотел не просто завоевать Египет — он хотел вписать его в историю Франции.

Но море было против него. В бухте Абукир английский флот Нельсона уничтожил французскую эскадру. И вдруг армия оказалась отрезанной от дома.

— Мы не можем ждать помощи, — сказал он на совете.

— Мы должны двигаться вперёд.

Они шли через пески, теряя людей от жары и болезней. Они побеждали в битвах, но проигрывали времени.

А потом пришло известие: в Париже всё рушилось. Директория теряла контроль, страна стояла на грани нового мятежа. И в этом хаосе кто-то должен был взять власть.

Он принял решение. Оставил армию в Египте и отправился во Францию — один, на маленьком фрегате, рискуя быть перехваченным англичанами.

Это был риск. Но он верил: его звезда ещё не погасла.

Глава 5. Архитектор порядка

Париж, 1804 год.

НотрДам.

Собор гудел от голосов, от золота, от напряжения. Тысячи глаз следили за тем, как он идёт по проходу. Папа Пий VII ждал с короной в руках.

По протоколу он должен был преклонить колени, чтобы папа возложил корону на его голову. Это был бы жест смирения — и признания высшей власти церкви.

Но он остановился. Взял корону из рук папы. И сам надел её на себя.

Тишина в соборе стала оглушительной. Потом — взрыв аплодисментов.

Этот жест поняли все: он не получил власть от Бога или от людей. Он взял её сам.

Позже, в тишине кабинета, его жена Жозефина тихо спросила:

— Ты не боишься, что они сочтут это дерзостью?

Он улыбнулся, но в улыбке не было веселья.

— Бояться нужно не того, что скажут. Бояться нужно того, что не сделаешь.

Кодекс Наполеона уже был принят. Законы, которые уравнивали всех перед государством. Армия, которая верила в него. Империя, которая начинала расти.

Но с каждым шагом вверх он чувствовал, как сужается пространство вокруг него. Теперь он не мог позволить себе ошибаться. Цена ошибки становилась слишком высокой.

Глава 6. Любовь и корона

Париж, 1804 год.

За несколько дней до коронации.

В особняке на улице Шантерен было тихо — слишком тихо для дома, в котором вот-вот должна была родиться империя. Жозефина ходила по комнатам, касаясь пальцами бархата штор, будто проверяя, настоящее ли всё это. Ей казалось, что стоит чуть сильнее дёрнуть ткань — и иллюзия рассыплется.

Наполеон вошёл, не постучав: здесь ему не нужно было стучать. Он снял треуголку, положил её на стол, провёл ладонью по лицу, стирая усталость. Последние месяцы он жил на нервах: интриги, угрозы, заговоры, бесконечные встречи с министрами, споры с маршалами. И только здесь, рядом с ней, он позволял себе выдохнуть.

— Ты опять не спишь, — сказал он, не как упрёк, а как констатацию.

Жозефина улыбнулась, но улыбка вышла кривой, будто ей было неловко за эту слабость.

— Я думаю... о том, что будет завтра. О том, что ты станешь императором. А я... стану императрицей. И вдруг я не справлюсь? Вдруг я забуду, как нужно стоять, как смотреть, как не дрожать, когда на тебя смотрит вся Франция?

Он подошёл и взял её руки в свои. Они были холодными.

— Ты справишься. Ты умеешь быть сильной, когда нужно. И мягкой, когда это важнее. Именно поэтому я хочу, чтобы завтра ты стояла рядом. Не как моя жена. А как женщина, которая знает меня настоящего.

Она опустила глаза.

— А если они узнают... про мои письма, про долги, про то, сколько раз я ошибалась ещё до того, как встретила тебя?

— Пусть узнают. Я не строю трон на безупречности. Я строю его на верности. А твоя верность мне дороже любой безупречности. Они помолчали.

Потом она тихо спросила:

— А ты... ты будешь таким же со мной, как раньше? Или корона изменит тебя?

Он задумался. Не потому что не знал ответа, а потому что боялся сказать неправду. — Корона изменит всё. Но не это. Я могу стать императором для Франции. Но для тебя я останусь тем, кто когда-то пришёл к тебе в этот дом и сказал: **«Я сделаю так, что тебе больше не придётся бояться».**

Жозефина прижалась к нему, уткнулась лбом в его плечо. Он обнял её крепко, будто хотел удержать не только её, но и тот момент, когда они были просто двумя людьми, которым повезло найти друг друга среди хаоса.

Глава 7. Цена величия

Париж, 1809 год.

Война снова стучалась в двери, и на этот раз она пришла не с пушками, а с холодным расчётом. Наполеон ходил по кабинету, меряя шагами тишину, которая стала для него роскошью.

— У империи должен быть наследник, — сказал министр Фуше, не глядя ему в глаза.
— Народ хочет видеть продолжение.

А Жозефина... она уже не сможет дать тебе сына.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как камни.

Наполеон остановился.

— Не смей говорить о ней так.

Фуше поднял брови, но не отступил:

— Простите, сир. Но долг выше чувств. Вы сами учили нас этому.

Наполеон сжал кулаки. Он знал, что это правда. Он сам всегда ставил долг выше всего. Но теперь долг требовал предать самое дорогое.

Вечером он нашёл Жозефину в оранжерее. Она стояла у стеклянной стены, смотрела на мокрые листья, будто пыталась прочесть в них будущее.

— Мы должны поговорить, — сказал он глухо.

Она не обернулась. Будто уже знала, о чём пойдёт речь.

— О наследнике. О разводе. Он замер.

— Ты знала?

— Догадывалась. С тех пор как ко мне стали приходить эти странные дамы с советами, как лучше молиться о зачатии. С тех пор как министры перестали смотреть мне в глаза.

Он подошёл, хотел взять её за руку, но остановился.

— Это не моё желание. Это требование империи.

Она наконец повернулась.

В её глазах не было слёз — была усталость.

— Империя всегда будет требовать больше, чем ты можешь дать. И однажды она попросит у тебя меня. Скажи мне честно: ты готов отдать меня ради неё?

Он молчал слишком долго. И в этом молчании было всё: и его любовь, и его долг, и его проклятие.

— Я не хочу, — прошептал он.

— Но я должен.

Жозефина кивнула, будто услышала именно то, что и ожидала.

— Тогда сделай это быстро. И не мучай меня обещаниями, что всё останется как прежде. Ничего не останется.

Глава 8. Прощание

Мальмезон, декабрь 1809 года.

Развод был оформлен. Без скандалов, без публичных унижений — так, как умел Наполеон: холодно, чётко, с уважением к тому, что было. Жозефине оставили титул, дом, содержание. Она должна была остаться частью истории, но уже не частью его жизни.

В тот вечер он пришёл к ней в последний раз. Не как император, а как человек, который прощался с половиной своей души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.